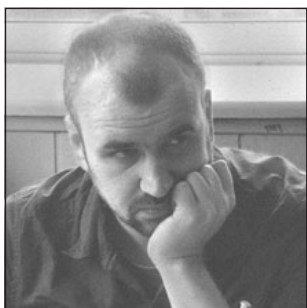

Этнометодологические исследования науки: истоки

А.М. КОРБУТ

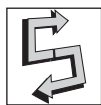

Статья посвящена анализу истоков этнометодологических исследований науки. Специфика этнометодологического подхода в области науковедения до сих пор не получила должного освещения, в том числе потому, что данный подход принято соотносить либо с феноменологической социологией А. Шюца, либо с традицией социологии научного знания (также известной как вторая волна социологии науки или этнография науки). Однако ни подход Шюца, ни этнография науки не могут выступать источником этнометодологических исследований науки, поскольку первый исключает возможность эмпирического изучения научной рациональности, а вторая предполагает разделение технической и социальной компетенции ученых. Следовательно, истоки этнометодологических исследований науки следует искать внутри самой этнометодологии.

Ключевые слова: этнометодология, феноменологическая социология, социология научного знания, этнография науки, социология науки.

Введение

Начиная с 1930-х гг. социология науки развивалась как самостоятельная дисциплина наравне с другими науковедческими подходами, вписывающи-

мися в общепринятую дисциплинарную матрицу, – философией науки, психологией науки, историей науки, экономикой науки и проч. Пожалуй, наиболее полное воплощение в качестве самостоятельной традиции социология науки получила в работах Роберта Мертона и его последователей¹. Однако с появлением в 1970-е гг. так называемой второй волны социологии науки (Б. Латур, Д. Блур, С. Вулгар, Б. Барнс, К. Кнорр-Цетина, С. Шейпин и др.) ее дисциплинарные границы стали размываться. Социологи науки начали обсуждать вопросы, которые до этого «принадлежали» другим дисциплинам, – сущность научного знания, статус истины в науке, функции научного дискурса, структура научного доказательства, критерии демаркации и т.д. Параллельные изменения происходили и в сопредельных дисциплинах. Например, в философии науки работы Т. Куна и Фейерабенда, пытавшихся понять функционирование и структуру науки с точки зрения поддерживаемых учеными стандартов исследования и обоснования, содержали достаточно сильный социологический компонент.

Указанные изменения сформировали пространство сложно переплетенных дисциплин, которые сегодня занимаются исследованиями науки. Однако в этом пространстве есть свои «черные дыры», не замечаемые большинством исследователей. Вблизи этих «черных дыр» пространство науковедения претерпевает глубокие трансформации. Описание последних позволило бы выработать более адекватные категории для изучения научного знания и научной практики. На наш взгляд, одной из таких незамечаемых традиций является этнометодология науки. Изначально зародившись внутри этнометодологии как прежде всего социологической традиции, этнометодология науки (как и вся этнометодология в целом) очень быстро вышла за пределы сложившихся дисциплинарных разделений и предложила свой оригинальный взгляд на науку. Но его оригинальность была проигнорирована, поскольку в глазах критиков этнометодология никогда не переставала быть еще одним социологическим подходом.

Для подавляющего большинства исследователей этнометодология науки является логическим продолжением двух традиций: феноменологической социологии Альфреда Шюца и так называемой социологии научного знания, или социальных исследований науки².

¹ См.: Merton R.K. *The Sociology of Science: Theoretical and Empirical Investigations*. Chicago, 1973; Merton R.K. *Science, Technology and Society in Seventeenth-Century England*. N.Y., 2001.

² В качестве характерного примера можно привести суждение А.П. Огурцова: «Этнометодология, безусловно, имеет свои идейные и методологические истоки, главными из которых являются феноменологическая социология и методы этнографии» (Огурцов А.П. Этнометодология и этнографическое изучение науки // Современная западная социология науки: критический анализ; отв. ред. Э.М. Мирский. М., 1988. С. 211); Gross N. *Pragmatism, Phenomenology, and Twentieth-Century American Sociology* // *Sociology in America: a History*; ed. C. Calhoun. Chicago, 2007. P. 183–224. Здесь чуть ли не вся этнометодология выводится из традиции А. Шюца.

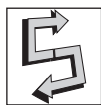
Однако, связывая этнометодологические исследования научного знания и научной практики с одной из этих традиций, критики, на наш взгляд, лишают этнометодологию науки ее специфики. Чтобы понять, что может дать этнометодология для исследований науки, необходимо, во-первых, показать, что этнометодология науки не вытекает из двух указанных подходов, и, во-вторых, продемонстрировать, какие оригинальные темы, понятия и исследовательские процедуры способна предложить этнометодология для науковедения. Оставив вторую задачу для другой статьи, в настоящей работе сосредоточимся на первой. Покажем, почему феноменологическая социология и социология научного знания не могут рассматриваться в качестве источников специфически этнометодологической проблематики в области изучения науки. Однако сначала необходимо дать краткий обзор традиции этнометодологических исследований науки.

Этнометодологические исследования научных практик

Этнометодология науки – одно из наиболее поздних направлений в рамках этнометодологии. Его отсчет можно вести с начала 1970-х гг., когда основатель этнометодологии Гарольд Гарфинкель и группа его студентов и аспирантов предприняли целый ряд систематических исследований научной практики. Первыми полноценными работами, которые были написаны в рамках новой программы, стали книги Майкла Линча «Искусство и артефакт в лабораторной науке»³ и Эрика Ливингстона «Этнометодологические основания математики»⁴. Обе книги были переработанными версиями докторских диссертаций, защищенных соответственно в 1979 и 1983 гг. Эти работы представляют два различных ракурса исследования научной практики, которые затем получают самостоятельное значение в рамках этнометодологических исследований науки. В книге Линча подробно рассматривается работа лаборатории, занимающейся исследованиями мозга. Предметом внимания Линча являются, с одной стороны, так называемые артефакты, т.е. разного рода искажения, ошибки, незапланированные результаты, неопределенности и т.д., возникающие в ходе и вследствие лабораторной работы, и с другой – профессиональные (цеховые) разговоры, которые ведут ученые в процессе осуществления экспериментов и манипуляции с лабораторным оборудованием и животными. Книга Ливингстона построена иначе: предметом его

³ Lynch M. Art and Artifact in Laboratory Science: a Study of Shop Work and Shop Talk in a Research Laboratory. L., 1985.

⁴ Livingston E. The Ethnomethodological Foundations of Mathematics. L., 1986.

внимания является не непосредственно наблюдаемая деятельность ученых, а теорема Гёделя. Рассматривая доказательство этой теоремы, Ливингстон анализирует то, что он называет «обыденной математикой», т.е. математикой, повседневно осуществляемой математиками. Он показывает, что реальная, живая работа математического доказательства, с одной стороны, не описывается тем, что принято называть доказательством в математике, т.е. последовательностью символически записанных утверждений, и, с другой стороны, неразрывно связана с этой записью как описанием данной работы. Обе книги, несмотря на разницу в предмете, решают одну задачу: демонстрируют, каким образом то, что принято считать научным знанием и что поддается оценке со стороны научного сообщества, возникает, производится, поддерживается и трансформируется в повседневных, незамечаемых, рутинных практиках ученых.

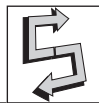
Дальнейшее развитие этнометодологии научной практики связано с исследованиями Душана Бьелича. В своей докторской диссертации «Социальные истоки логики» (1989), а также в последующих статьях⁵ и в монографии «Маятник Галилея»⁶ он развивает то, что можно назвать праксеологией научного знания⁷. Образцовой для этого направления является его статья «Lebenswelt-структуры галилеевской физики». В этой работе Бьелич описывает, с какими трудностями и задачами ему пришлось столкнуться при создании и использовании маятника Галилея. При этом он показывает, каким образом «практическая логика» галилеевской физики воплощена в самом инструменте, с помощью которого она реализуется. Маятник представляет собой не простой механизм, который может использоваться для открытия и демонстрации определенного закона (в данном случае закона изохронизма), а праксеологический объект, в компетентном использовании которого заключается знание галилеевской физики.

Однако первой по времени появления и наиболее известной работой в области этнометодологии науки стала статья Гарфинкеля, Лин-

⁵ *Bjelić D.* The Praxiological Validity of Natural Scientific Practices as a Criterion for Identifying their Unique Social-Object Character: the Case of the «Authentication» of Goethe's Morphological Theorem // *Qualitative Sociology*. 1992. Vol. 15, № 3. P. 221–245; *Bjelić D.* An Ethnomethodological Clarification of Husserl's Concepts of «Regressive Inquiry» and «Galilean Physics» by Means of Discovering Praxioms // *Human Studies*. 1995. Vol. 18, № 2–3. P. 189–225; *Bjelić D.* Lebenswelt Structures of Galilean Physics: the Case of Galileo's Pendulum // *Human Studies*. 1996. Vol. 19, № 4. P. 409–432.

⁶ *Bjelić D.* Galileo's Pendulum: Science, Sexuality, and the Body-Instrument link. Albany, 2003.

⁷ Практиологический подход развивается также в работах: *Bjelić D., Lynch M.* The Work of a (Scientific) Demonstration: Respecifying Newton's and Goethe's Theories of Prismatic Color // *Text in Context: Contributions to Ethnomethodology*; ed. G. Watson and R.M. Seiler. L., 1992. P. 52–78; *Garfinkel H.* An Ethnomethodological Study of the Work of Galileo's Inclined Plane Demonstration of the Real Motion of Free Falling Bodies // *H. Garfinkel. Ethnomethodology's Program: Working out Durkheim's Aphorism*. Lanham, 2002. P. 263–285.

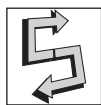
ча и Ливингстона «Работа открывающей науки, рассмотренная на основании материалов, касающихся случая оптически открытого пульсара»⁸. Именно в этой статье представлены все элементы того, что Линч называет «зрелой» этнометодологией науки.

В статье рассматривается история открытия 16 января 1969 г. первого оптически наблюдаемого пульсара радиоастрономами Уильямом Джоном Коком и Майклом Диснеем. Это астрономическое открытие (точнее, разговоры в его процессе) оказалось записано на пленку, которую транскрибировали авторы статьи. Кроме того, в качестве материалов для изучения использовались записи, сделанные в журнале наблюдений в тот вечер, и официальная публикация полученных результатов. Главный вопрос, который ставят перед собой авторы: «В чем заключается оптически открытый пульсар как ночная работа Кока и Диснея?»⁹ В этом вопросе обнаруживаются две ключевые темы этнометодологических исследований науки.

1. Работа. Когда авторы статьи говорят о работе, они имеют в виду не «труд» и не профессиональные обязанности радиоастрономов, а обыденную, рутинную работу, которую ученые совершают каждый день, включая день открытия. Эта работа, несомненно, профессиональна, однако ее профессиональность заключается не в стремлении соответствовать стандартам астрономии, а в умелом использовании оборудования и организации деятельности в данный день, как и в любой другой. Поэтому, пишут Гарфинкель, Линч и Ливингстон, осуществляемая учеными работа – это работа, которая делается «все время в первый раз» (*first time through*). Парадоксальность этой формулировки заключается в том, что обычно «уникальное» событие открытия и «рядовые» практики ученых рассматриваются как нечто отдельное. Открытие понимается как экстраординарное событие, которое, даже если оно обеспечено рутинными действиями ученых, по своему значению (часто осознаваемому уже во время открытия, как это произошло в обсуждаемом примере) выделяется на фоне повседневных исследовательских действий. Однако Гарфинкель и его соавторы показывают, что ночная работа двух радиоастрономов в некотором смысле всегда осуществляется так, что, не теряя своей воспроизводимости, реализуется снова и снова в первый раз, т.е. обеспечивает появление тех феноменов, в изучении которых она заключается. Открытый пульсар должен быть не просто объектом, а астрономически анализируемым объектом, т.е. объектом, который можно снова наблюдать. При этом его анализируемость заключается в том, что делают ученые. Таким образом, первое свойство ночной работы астро-

⁸ *Garfinkel H., Lynch M., Livingston E. The Work of a Discovering Science Construed with Materials From the Optically Discovered Pulsar // Philosophy of the Social Sciences. 1981. Vol. 11, № 2. P. 131–158.*

⁹ *Ibid. P. 132.*

номов – «все время в первый раз» – оказывается неразрывно связано со вторым свойством – «локальной историчностью». Под локальной историчностью подразумевается серия «испытаний», «экспериментов» (runs), которые реализовывали ученые. По мере осуществления серии наблюдений исследователи создавали условия, которые затем позволили им «вычлениить» интересующий их объект и придать ему связность, осмысленность и астрономическую анализируемость.

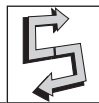
2. *Культурный объект.* Для Гарфинкеля, Линча и Ливингстона пульсар, понятый праксеологически, – это и есть работа, которую осуществляют радиоастрономы. Пульсар не сводится к осуществляемой ими работе, он является их работой. Мы можем рассматривать пульсар как результат их работы, только если допустим, что пульсар и их работа уже каким-то образом разделены. Но в момент открытия о таком разделении речь не идет. Лишь потом мы можем описывать пульсар как нечто независимое от локальных практик его производства: «В аудиозаписи и журнале наблюдений бросается в глаза, но зримо отсутствует в их [авторов открытия] статье то, что последовательность наблюдений, осуществляемых все время в первый раз, была достижима, случай за случаем, как историзированная серия. Только в качестве черты локальной историчности проект серии мог стать атемпорализованным набором измеримых свойств частоты пульсации и положения звезды, независимых, согласно галилеевской науке, от локальных практик, в которых состоял именно этот сбор наблюдений»¹⁰. Лишь *благодаря* локальным практикам и лишь *в* локальных практиках научные «объекты» производятся и поддерживаются как атемпоральные, апраксеологические сущности. Но всегда есть «незамечаемая сторона», которую как раз описывает этнометодология: рутинные, само собой разумеющиеся практики ученых, которые придают осуществляемым им действиям характер научных и в которых эти действия заключаются. Это делает пульсар, как говорят Гарфинкель, Линч и Ливингстон, «культурным объектом»¹¹. И чтобы «схватить» его в таком качестве, мы не можем предоставить лишь этнографическое описание того, что делают ученые. Нам необходимо осуществить детальное описание их действий.

Таким образом, практики, реализуемые учеными, можно изучать лишь там, где они осуществляются, и только в их материальных и технических деталях. Это в свою очередь означает, что такого рода практики «доступны только для практиков и только при наличии их вульгарной компетентности они реализуются непроизвольно»¹². Однако отсюда вытекает также, что если исследователь не является ученым, то исследуемые им практики оказываются для него доступны лишь

¹⁰ Garfinkel H., Lynch M., Livingston E. Op. cit. P. 135.

¹¹ Ibid. P. 141.

¹² Ibid. P. 140.

частично. Гарфинкель и этнометодологи понимают это ограничение и поэтому формулируют «требование уникальной адекватности методов»¹³, которое как раз заключается в том, что исследователь должен быть «вульгарно компетентным» в изучаемой практике, чтобы иметь возможность описывать ее в деталях.

Очертив общие темы и принципы этнометодологических исследований науки, мы можем теперь сопоставить их с основными идеями, сформулированными в рамках двух подходов и наиболее близкими к этнометодологии науки: феноменологической социологии и социологии научного знания. Сначала рассмотрим феноменологическую социологию.

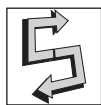
Альфред Шюц и мир научного теоретизирования

Необходимость обращения к фигуре Шюца при анализе истоков возникновения программы исследований науки в этнометодологии связана прежде всего с тем, что Гарольд Гарфинкель считается продолжателем традиции Шюца. Во время обучения в Гарварде, где Гарфинкель писал диссертацию под руководством Т. Парсонса, он постоянно встречался и вел переписку с Шюцем, работавшим в нью-йоркской Новой школе социальных исследований. Кроме того, как в своей диссертации, защищенной в 1952 г., так и в первой книге «Исследования по этнометодологии»¹⁴ Гарфинкель не просто постоянно ссылается на Шюца, но развивает и уточняет его идеи. Эти два момента и позволяют выдвинуть гипотезу о преемственности этнометодологии Гарфинкеля и феноменологической социологии Шюца и соответственно о том, что этнометодологическая программа исследований науки берет свое начало в концепции (или, точнее, круге идей) Шюца. Однако эта гипотеза как минимум должна быть скорректирована в свете того факта, что в последней книге Гарфинкеля «Программа этнометодологии»¹⁵ ссылок на Шюца практически нет, а те, что есть, носят почти исключительно историко-биографический характер. Если учесть, что значительная часть работ, собранных во второй книге, – это статьи, написанные в 1970-е гг., т.е. именно в тот период, когда складывалась программа этнометодологических исследований науки, можно сказать, что «исчезновение» Шюца – вовсе не случай-

¹³ *Garfinkel H., Wieder D.L. Two Incommensurable, Asymmetrically Alternate Technologies of Social Analysis // Text in Context: Contributions to Ethnomethodology ; ed. G. Watson, R.M. Seiler. L., 1992. P. 182–184.*

¹⁴ *Garfinkel H. Studies in Ethnomethodology. Englewood Cliffs, 1967.*

¹⁵ *Garfinkel H. Ethnomethodology's Program: Working out Durkheim's aphorism. Lanham, 2002.*

ность. Возможно, разрыв с Шюцем был вызван необходимостью выработки таких методологических и концептуальных ресурсов, которые бы позволили рассматривать науку специфически этнометодологическим образом и которые не мог предоставить Шюц. Чтобы проверить, действительно ли этот так, необходимо реконструировать понимание науки, которое предлагал Шюц, и попытаться понять, в чем оно радикально расходится с этнометодологической программой.

В качестве ключевой работы при рассмотрении представлений Шюца о науке используем статью «О множественности реальностей»¹⁶. В этой статье Шюц предлагает рассматривать реальность как состоящую из «конечных областей смысла», которые являются своеобразными субуниверсумами. Он выделяет несколько таких областей: мир повседневной жизни, мир фантазии, мир сновидений, мир театра, мир научного теоретизирования и др. Верховной реальностью является мир повседневной жизни, поскольку именно в него мы возвращаемся, покидая ту или иную установку. Все указанные области отличаются специфическим когнитивным стилем, каждый из которых включает шесть элементов: 1) специфическое напряжение сознания; 2) специфическое ерoсh  (заключение в скобки, приостановка); 3) преобладающая форма спонтанности (т.е. переживания действия); 4) специфическая форма переживания своего Я; 5) специфическая форма социальности; 6) специфическая временная перспектива¹⁷.

Проблема заключается в том, что, пытаясь продемонстрировать специфику каждого из стилей, в качестве «эталона сравнения» Шюц использует когнитивный стиль мира повседневной жизни. В итоге получается, что каждая конечная область смысла является некоторым *отклонением* от повседневной реальности и, в определенном смысле, производной от нее. Чтобы это стало возможным, Шюц предпринимает два хода: а) связывает установку повседневной жизни с *прагматической* мотивацией деятельности («Прагматический мотив правит нашей естественной установкой в отношении мира повседневной жизни. Мир в этом смысле есть нечто, что мы должны модифицировать нашими действиями, или же нечто, что модифицирует наши действия»¹⁸); б) как следствие, рассматривает все прочие когнитивные стили в качестве феноменов *сознания*, обусловленных приостановкой действия прагматической мотивации («Живя в одном из многих миров фантазии, мы больше не обязаны покорять внешний мир и преодолевать сопротивление его объектов. Мы свободны от прагматического мотива, который управляет нашей естественной установкой в

¹⁶ Шюц А. О множественности реальностей ; пер. с англ. А.М. Корбута // Социологическое обозрение. 2003. Т. 3, № 2. С. 3–34.

¹⁷ Там же. С. 17.

¹⁸ Там же. С. 4.

отношении мира повседневной жизни»¹⁹). Эти два хода обуславливают шюцевскую концепцию науки, и они же обнаруживают ее основную слабость. Рассмотрим, в чем эта слабость состоит.

Шюц рисует знакомый образ одинокого ученого-мыслителя, который занят объектами своего теоретизирования, лишен социальных связей и в определенной степени бестелесен и безличен. Шюц признает, что *в то же самое время* ученый – это обычный человек, который совершает некоторые действия в мире повседневной жизни. Однако «научное теоретизирование – это одно, занятие наукой в мире рабочих операций – другое»²⁰. Что тут первично, а что вторично? Несмотря на то что Шюц назвал бы этот вопрос ложным, вытекающим из ошибочного представления о конечных областях смысла как онтологических сущностях, переход между которыми требует радикальной смены установки, сам он, обосновывая свое утверждение, делает это таким образом, что исходный вопрос как раз может быть понят как предполагающий решительную демаркацию конечных областей смысла, только на этот раз не в онтологической сфере, а в коммуникативной.

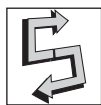
«Парадокс коммуникации», заключающийся в том, что одинокий ученый, лишенный социальных связей и «выключивший» свое тело и свою личность, вынужден как-то коммуницировать с другими людьми и другими учеными в реальном мире, решается Шюцем следующим образом: «Парадокс коммуникации возникает... только если мы предполагаем, что социальность и коммуникация могут реализовываться в иной конечной области смысла, чем мир повседневной жизни, являющийся верховной реальностью. Но если мы не делаем подобного неоправданного предположения, тогда наука снова включается в мир жизни»²¹. То есть ученый одновременно предается научному теоретизированию и совершает рабочие операции коммуникации. Однако шюцевское решение парадокса коммуникации (который становится парадоксом только в рамках концепции Шюца, т.е. при допущении существования различных конечных областей смысла) само парадоксально: он предлагает рассматривать «социальность» и «коммуникацию» как то, что относится к верховной реальности мира повседневной жизни, хотя при этом утверждает, что специфическая форма социальности присуща *любому* когнитивному стилю. Таким образом, оказывается, что специфической формой социальности в мире научного теоретизирования является отсутствие социальности!

Именно этот момент – наиболее слабое место в концепции Шюца и предмет этнометодологической критики. Уже в книге «Исследова-

¹⁹ Шюц А. Указ. соч. С. 20.

²⁰ Там же. С. 26.

²¹ Там же. С. 34.

ния по этнометодологии» Гарфинкель, в целом принимая идею Шюца о конечных областях смысла и сравнивая установки повседневной жизни и научного теоретизирования, делает сноску: «Чтобы предупредить недопонимание, я хочу подчеркнуть, что здесь в фокусе внимания находится установка научного *теоретизирования*. Установка, лежащая в основе деятельности актуального научного исследования, – нечто совершенно иное»²². Согласно Шюцу, «установка, лежащая в основе деятельности актуального научного исследования» – это установка повседневной жизни, связанная с рабочими операциями в зонах различной досягаемости и в различных временных перспективах. Только в этом случае можно найти относительное решение парадокса коммуникации. Однако это решение не выдерживает критики, поскольку, как мы показали выше, оно внутренне противоречиво: научная и повседневная установки объявляются одновременно разными и совместимыми, при этом принцип их совмещения не указывает. Вместо этого просто постулируется, что граница между ними призрачна.

Гарфинкель прекрасно осознает парадоксальность такого решения и предлагает свой вариант выхода из тупика, который может рассматриваться как первая попытка формулирования программы этнометодологических исследований науки: «*Вместо того чтобы рассматривать свойства рациональности как методологический принцип интерпретации деятельности, их следует рассматривать лишь как эмпирически проблематичный материал. [В этом случае] они имели бы статус простых данных и должны были бы объясняться так же, как и более привычные свойства поведения...* Одним словом, социологи могут извлечь рациональные свойства поведения из сферы философского обсуждения и подвергнуть их эмпирическому исследованию»²³. Это относится в том числе к свойствам научной рациональности, которая становится в данном случае не установкой сознания, которую принимает ученый, погружаясь в теоретизирование, а предметом изучения наравне с установкой повседневной жизни. Разумеется, от этой первичной постановки еще очень далеко до полноценной исследовательской программы. Более того, как показывает приведенная выше цитата, на данном этапе Гарфинкель все еще следует за Шюцем в разделении научного теоретизирования и актуальной научной практики. Однако это разделение уже рассматривается как объект для *эмпирического* прояснения, что в принципе невозможно для Шюца.

Проведенный критический анализ представлений Шюца о науке позволяет утверждать, что мы должны искать истоки этнометодологической программы исследований науки в другом месте. Несомнен-

²² Garfinkel H. Studies in Ethnomethodology. P. 272.

²³ Ibid. P. 282.

но, Шюц оказал огромное влияние на Гарфинкеля, в частности идея рассмотрения повседневных практик и научных практик в их *специфике*, вероятно, была сформулирована именно Шюцем, однако и способ, и результаты такого рассмотрения у Шюца и Гарфинкеля радикально различаются. Каковы бы ни были истоки принципиальной слабости позиции Шюца с этнометодологической точки зрения, критика Шюца этнометодологами – это критика изнутри *альтернативного* проекта.

Социология научного знания

Как мы попытались показать, эмпирический вектор, положенный в основу этнометодологических исследований науки, не был обязан своим появлением концепции Шюца, хотя основатель этнометодологии Гарфинкель и находился под его влиянием. Роль Шюца при формулировании программы этнометодологических исследований науки в 1970-е гг. была незначительна, но уже в ранней работе 1967 г. Гарфинкель иначе смотрит на науку как предмет изучения, нежели Шюц. Однако если мы отвергаем феноменологическую социологию Шюца в качестве ключевого фактора, наложившего отпечаток на этнометодологию научного знания и научной практики, вопрос по-прежнему остается: нельзя ли найти ту традицию, развитием которой стали этнометодологические исследования науки?

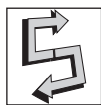
Время появления этнометодологии науки и ее радикальная эмпирическая ориентация указывают на направление поисков. В это же время заявила о себе традиция социологических исследований, которая получила обобщающее название «социология научного знания»²⁴. Под этим названием скрывается целый ряд эмпирических исследований, которые начали появляться примерно с начала 1970-х гг. Речь идет прежде всего о работах Б. Латура, М. Малкея, К. Кнорр-Цетины, Г. Коллинза, Б. Барнса, С. Вулгара, Д. Блура и ряда других авторов. Одной из отличительных черт этой традиции было обращение к этнографии лаборатории. В книгах Латура и Вулгара «Жизнь в лаборатории»²⁵, Кнорр-Цетины «Производство знания»²⁶ и Гилберта и Малкея «Открывая ящик Пандоры»²⁷ осуществляется анализ различ-

²⁴ Ее также называют «социальными исследованиями науки», «социологией науки и техники», «второй волной социологии науки». Далее мы для удобства будем использовать термин «социология научного знания».

²⁵ Latour B., Woolgar S. Laboratory Life: the Construction of Scientific Facts. Princeton, 1986. (Первое издание вышло в 1979 г.)

²⁶ Knorr-Cetina K. The Manufacture of Knowledge: an Essay on the Constructivist and Contextual Nature of Science. N.Y., 1981.

²⁷ Gilbert N., Mulkay M. Opening Pandora's Box: a Sociological Analysis of Scientists' Discourse. Cambridge, 1984.

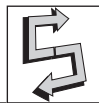

ных аспектов деятельности ученых в их «естественной среде обитания» – лаборатории. В это же время выходит в свет книга Линча «Искусство и артефакт в лабораторной науке», в которой тоже рассматривается деятельность ученых в лаборатории. Все эти обстоятельства позволяют предположить, что можно обнаружить если не прямое влияние, то серьезные пересечения между этнометодологией науки и социологией научного знания. Ниже мы попытаемся проверить эту гипотезу на примере одной из указанных выше работ: книги Гилберта и Малкея. Эта книга, безусловно, является лишь одним из возможных подходов к анализу научного знания, однако в ней, на наш взгляд, высказаны некоторые ключевые положения, которые важны для понимания характера социологии научного знания, и ее отличия либо сходства с этнометодологией в вопросе изучения науки.

Гилберт и Малкей делают предметом своего анализа дискурс ученых. Основная идея книги заключается в том, что дискурс ученых нельзя свести к чему-то единому, что он разделяется на разные дискурсы, связанные с различными социальными обстоятельствами их производства. Анализируя, во-первых, исследовательскую статью, в которой сообщается о результатах биохимического эксперимента, и, во-вторых, полуструктурированные интервью, взятые у биохимиков и не-биохимиков, авторы хотят показать, что «объяснения действий и убеждений, предлагаемые непосредственными участниками, систематически различаются в этих двух ситуациях»²⁸. В каждой из этих сред используются различные интерпретативные репертуары или лингвистические регистры, которые устойчиво воспроизводятся в научном дискурсе.

Как и большинство социологов научного знания, Гилберт и Малкей заявляют намерение не объяснять дискурс ученых какими-либо внешними по отношению к этому дискурсу социальными обстоятельствами. Их интересуют лишь те вариации, которые могут быть обнаружены в самих высказываниях. Например, в научной статье дискурс становится безличным, обстоятельства проведения эксперимента изображаются как объективные, не связанные с персональными характеристиками ученого, качеством его оборудования и наличием большого штата помощников, в то время как в интервью именно эти обстоятельства могут выходить на первый план. Однако при этом Гилберт и Малкей не могут вовсе обойтись без социального и вынуждены сформулировать некоторое представление о социальном действии, поскольку без него они лишаются оснований для объяснения вариативности научного дискурса: «Социальное действие не поддается “прямому наблюдению”... Было бы совершенно невозможно однозначно установить характер действия, присутствуя при проведении исходного лабораторного эксперимента и прямо его наблюдая. Соци-

²⁸ Gilbert N., Mulkay M. Op. cit. P. 39.

альный характер исходной лабораторной работы будет постоянно меняться по мере взаимодействия участников в различных ситуациях»²⁹.

Формулируемая Гилбертом и Малкеем позиция в некотором отношении напоминает позицию Шюца, поскольку тоже предполагает определенную «локализацию» социального. Шюц локализовал социальное в мире повседневной жизни, в котором ученый совершает свои рабочие операции, а Гилберт и Малкей локализуют социальное в мире высказываний, в дискурсе. Однако и в том и в другом случае социальное оказывается *вне* действий ученых. С точки зрения Гилберта и Малкея, «социальный характер лабораторной работы» меняется не в силу изменения каких-то характеристик самой этой работы, а в силу изменения способа ее описания. Деятельность ученого становится *конструируемой*, однако она конструируется не в техническом смысле слова, т.е. не как компетентная последовательность действий, осуществление которой обладает определенным смыслом, который может меняться с изменением этой последовательности, а как принципиально опосредованная языком, который и придает происходящему характер социального. Сами по себе действия ученых не обладают социальным смыслом; смысл им придает только практика документирования их работы, будь то в виде формальных научных текстов или в виде неформальных описаний деятельности ученых в лаборатории.

В целом социология научного знания строится на ряде принципов, которые можно обнаружить у Гилберта и Малкея.

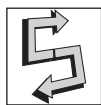
1. Разделение социальной и технической компетенции ученых.

Несмотря на то что практически все социологи научного знания вслед за Блуrom заявляют, что «любое знание, будь то в эмпирических науках или даже математике, должно рассматриваться как материал для исследования без каких-либо ограничений»³⁰, т.е. социологи не должны проводить такую границу, в своих описаниях социологи научного знания исходят из необходимости изучать процедуры, посредством которых техническое научное знание *приобретает* сущностно социальный характер, т.е. становится предметом практикования и оценивания в сообществе ученых или в более широком социальном окружении.

2. Научные практики являются конструкциями, что вытекает из первого принципа. Эти конструкции крайне вариативны, поскольку они заключаются в способах описания (или, как у Латура и Вулгара, «записи») действий и материальных обстоятельств деятельности ученых. В различных социальных контекстах ученые по-разному описывают собственную деятельность. В этом отношении научные «фак-

²⁹ Gilbert N., Mulkay M. Op. cit. P. 8–9.

³⁰ Блур Д. Сильная программа в социологии знания ; пер. с англ. С. Гавриленко // Логос. 2002. № 5–6. С. 1.

ты» тоже являются конструкциями, поскольку они производятся и функционируют лишь в рамках определенных практик.

3. Использование социологического аппарата концептуализации.

Смысл деятельности ученых необходимо *выявить*, поскольку, как стремятся показать Гилберт и Малкей, его невозможно *наблюдать*. Даже если, например, Латур и Вулгар признают важность и возможность непосредственного наблюдения на рабочем месте в рамках социальных исследований науки, это наблюдение лишь предоставляет материал для анализа. Сами условия наблюдения проблематизируются только в том случае, если возникает явное расхождение между пониманием происходящего наблюдателем и пониманием происходящего участником.

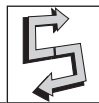
Все три принципа получают свое прочтение в этнометодологии: первый принцип заменяется на прямо противоположный, вместо второго предлагается иная концепция, а третий отвергается.

Разделение социальной и технической компетенции полностью снимается. Техническая компетенция рассматривается не как простое умение обращаться с инструментами, которому еще нужно придать социальный характер. С точки зрения этнометодологии, рутинные действия в лаборатории (или при написании научного текста, обсуждении результатов с коллегами, изложении результатов во время лекции и т.д.) следует рассматривать как *собственно* научную работу, детали осуществления которой – не сырой материал для анализа, а производимый учеными результат их коллективной деятельности. Работа лаборатории состоит не в написании и чтении документов, а в производстве непосредственной (*in situ*) описуемости исследовательских действий.

Вместо представления о научной практике как конструкции этнометодология предлагает рассматривать ее как *осуществление*. Например, описывая опыт осуществления эксперимента-демонстрации галилеевского закона маятника, Ливингстон отмечает, что «в практическом плане адекватность экспериментальной демонстрации галилеевского закона заключалась в анализируемости этого эксперимента с точки зрения наблюдаемой, описуемой работы его производства»³¹. То, *как* осуществляется эксперимент, составляет не просто сопутствующее обстоятельство, которое еще требует понимания в свете более широкого социального контекста (будь то контекст научного сообщества и общества в целом), а само *является* предметом социального производства и оценивания.

Что касается концептуальной природы обнаруживаемого смысла действий ученых, то этнометодологи предлагают вообще отказаться от концептуализации изучаемых научных практик. По словам Линча, социологи научного знания полагают, что «социологи науки должны

³¹ Livingston E. *Ethnographies of Reason*. Aldershot, 2008. P. 234.

дистанцироваться от представлений и способов использования языка, принятых в изучаемых ими полях, что дескриптивный “метаязык” должен быть независим от описываемого языка»³². Этнометодология, напротив, предполагает, что язык описываемой области не просто является предметом изучения, а может использоваться для социологического описания того, что делают сами ученые, поскольку их деятельность заключается в демонстрации своей компетентности в качестве ученых.

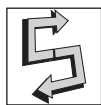
Таким образом, социология научного знания и этнометодология провозглашают асимметричные программы исследования науки. Здесь мы можем согласиться с Линчем, который полагает, что та и другая традиции «развивались независимо»³³. Этнометодология формулирует ряд принципов, которые в некоторых отношениях близки социологии научного знания, но во всем остальном ведут к совершенно иным последствиям в плане аналитических и исследовательских действий. Одним из общих моментов является, безусловно, эмпирическая ориентация. Книга Латура и Вулгара была по сути первой попыткой детального описания *реальной* повседневной деятельности ученых. Именно появление целого цикла работ этнографической направленности во многом способствовало признанию этнометодологических исследований науки в социологическом сообществе, но это же обстоятельство мешает увидеть своеобразие этнометодологической программы изучения науки.

Заключение

Мы проанализировали истоки этнометодологических исследований науки, рассмотрев две традиции, с которыми можно связать их появление, – традицию Шюца и традицию социологии научного знания. Мы показали, что феноменологическая социология не может выступать источником тем и понятий этнометодологии науки, поскольку Шюц проводит принципиальную границу между миром науки и миром повседневной жизни, которая стирается в этнометодологии. Социология научного знания тоже не может выступать исходным пунктом этнометодологических исследований научной практики, поскольку в ней разделяются социальная и техническая компетенции, утверждается конструктивный характер научной практики и ставится задача концептуализации научной практики, что прямо противоречит этнометодологическим принципам. Возникновение этнометодологии науки предлагается связывать с внутренними факторами, в первую

³² Lynch M. *Scientific Practice and Ordinary Action*. Cambridge, 1993. P. 115.

³³ Ibid. P. XVII.

очередь с появлением программы исследований работы, которая в свою очередь возникла как ответ на ранний призыв Гарфинкеля подвергнуть научную рациональность эмпирическому изучению. В результате этнометодологические исследования науки стали одной из наиболее радикальных форм этнометодологии. Предложенный нами анализ, впрочем, пока лишь указывает на направление дальнейших поисков и не дает однозначного ответа относительно истоков этнометодологической программы исследований науки. Дальнейшее изучение этой темы важно не только с исторической точки зрения, но и в плане выработки новых средств изучения и описания научного знания и научной практики. Мы полагаем, что этнометодология может предложить эвристичный подход к изучению науки, потенциал которого еще совершенно не раскрыт.

ФЕДЕРАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ БЮДЖЕТНОЕ
УЧРЕЖДЕНИЕ НАУКИ

ИНСТИТУТ ФИЛОСОФИИ РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК

ЭПИСТЕМОЛОГИЯ & ФИЛОСОФИЯ НАУКИ

Epistemology & Philosophy of Science

Т. XXXV • № 1

Ежеквартальный научно-теоретический журнал

МОСКВА

Альфа-М

2013

ОГЛАВЛЕНИЕ

Редакционная статья

- Источники знания: проблема «testimonial knowledge»** 5
И.Т. Касавин

Академия

- Конвенция как универсальная операция познания и коммуникаций** 16
Л.А. Микешина
- Юм и Дэвидсон: аффект, оценка и истинность** 35
Джон Брик (США)

Панельная дискуссия

- Онтологическое значение истории науки** 55
О.Е. Столярова
- Нарцисс останется Нарциссом...** 66
Н.И. Кузнецова
- История природы вместо историчности теории** 72
И.В. Дуденкова
- История науки как скромная подруга онтологии** 75
В.П. Филатов
- Научный реализм и философская история науки: попытка синтеза** 79
А.В. Родин
- Бывает ли слишком много бытия?** 82
О.Е. Столярова

Иной взгляд

- Логическое доказательство необратимости времени** 85
Я.В. Шрамко
- Точки сингулярности** 95
В.И. Шалак
- Полет мухи во времени** 98
А.Л. Никифоров

Панорама

- Историческая объективность: условия возможности** 101
О.П. Панафидина

Кафедра

- Практические вопросы преподавания философии науки слушателям естественно-научных специальностей 118**
С.Н. Коняев

Case-studies – Science studies

- Социальные технологии прикладных междисциплинарных исследований в сфере социальной оценки техники 135**
В.Г. Горохов, М. Декер

Междисциплинарные исследования

- Этнометодологические исследования науки: истоки 151**
А.М. Корбут

Контекст

- Аскриптив как речевой акт 167**
В.В. Оглезнев

Историко-эпистемологические исследования

- Философское исследование как критика традиции: Хайдеггер и деструкция истории онтологии 182**
М.А. Белоусов

Архив

- Пространство, время и социоэпистемический тезис Джорджа Герберта Мида 200**
А.Ю. Антоновский
- Какие социальные объекты должна предполагать психология 212**
Джордж Герберт Мид
- Социальное сознание и сознание смысла 219**
Джордж Герберт Мид

Симпозиум

- Логика и философия языка: летние школы 2012 г. . . . 228**
Е.В. Вострикова, П.С. Куслий

Новые книги

- Инновации в эпистемологической перспективе 236**
А.Б. Макаров
- Событийность Природы как о ней пишут 241**
А. Кефал

Новые книги по лингвистической прагматике 246
В.В. Долгоруков

Наши юбиляры

Сергею Павловичу Щавелёву 60 лет 250

Contents 251

Наши авторы 253

Памятка для авторов 254

Подписка 255

Публикуемые материалы прошли процедуру рецензирования
и экспертного отбора

Журнал включен в новый перечень периодических изданий, рекомендованных Высшей аттестационной комиссией РФ для публикации материалов кандидатских и докторских диссертационных исследований в области философии, социологии и культурологии (с 1 января 2007 г.)

Редколлегия журнала

Чл.-корр. РАН Касавин И.Т. (главный редактор), канд. филос. наук Антоновский А.Ю., д-р филос. наук Аршинов В.И., канд. филос. наук Вострикова Е.В. (зав. редакцией), д-р филос. наук Герасимова И.А. (зам. главного редактора), д-р филос. наук Горохов В.Г., д-р филос. наук Колпаков В.А., д-р филос. наук Кузнецова Н.И. (Российский государственный гуманитарный университет), канд. филос. наук Куслий П.С. (ответственный секретарь), д-р филос. наук Лисеев И.К., д-р филос. наук Микешина Л.А. (Московский педагогический государственный университет), д-р филос. наук Никифоров А.Л., д-р филос. наук Огурцов А.П., д-р филос. наук Порус В.Н. (Национальный исследовательский университет – Высшая школа экономики), д-р филос. наук Смирнова Н.М., д-р филос. наук Рабинович В.Л. (Институт культурологии Министерства культуры), Соколова Т.Д. (технический редактор), д-р филос. наук Филатов В.П. (Российский государственный гуманитарный университет), д-р филос. наук Шрамко Я.В. (Криворожский государственный педагогический университет – Украина), канд. филос. наук Секундант С.Г. (Одесский национальный университет имени И.И. Мечникова – Украина)

Международный редакционно-издательский совет

В.С. Стёпин (председатель), П.П. Гайденко, А.А. Гусейнов, И.Т. Касавин (зам. председателя), В.А. Лекторский, Х. Ленк (Германия), В.В. Миронов, Х. Позер (Германия), Е. Рада Гарсия (Испания), Т. Рокмор (США), Г. Фоллмер (Германия), С. Фуллер (Великобритания), Р. Харре (Великобритания), Я. Хинтиikka (Финляндия–США), К. Хюбнер (Германия), Д.С. Чернавский

Региональный редакционный совет

В.А. Бажанов (Ульяновск), Н.В. Брянник (Екатеринбург), А.Г. Егоров (Смоленск), Т.Г. Лешкевич (Ростов-на-Дону), Н.И. Мартишина (Новосибирск), С.П. Щавелёв (Курск), И.В. Черникова (Томск)

Наши авторы

Антоновский Александр Юрьевич – кандидат философских наук, старший научный сотрудник Института философии РАН. E-mail: antonovski@hotmail.com.

Белоусов Михаил Алексеевич – кандидат философских наук, старший преподаватель и специалист по учебно-методической работе Учебно-научного центра феноменологической философии РГГУ. E-mail: mishabelous@gmail.com.

Брик Джон – доктор философских наук, профессор философского факультета Канзасского университета (США). E-mail: jbricke@ku.edu.

Вострикова Екатерина Васильевна – кандидат философских наук, научный сотрудник Института философии РАН. E-mail: katerina-vos@mail.ru.

Горохов Виталий Георгиевич – доктор философских наук, профессор, ведущий научный сотрудник сектора междисциплинарных проблем научно-технического развития Института философии РАН. E-mail: vitaly.gorokhov@mail.ru.

Декер Микаэль – доктор философских наук и кандидат физико-химических наук, профессор, заместитель директора Института оценки техники и системного анализа Института технологий г. Карлсруэ, Германия. E-mail: michael.decker@kit.edu.

Долгоруков Виталий Владимирович – аспирант философского факультета НИУ ВШЭ. E-mail: v.dolgorukov@gmail.com.

Дуденкова Ирина Васильевна – кандидат философских наук, доцент кафедры общей социологии и социальной философии философско-социологического факультета РАНХиГС. E-mail: irinafil@bk.ru.

Касавин Илья Теодорович – доктор философских наук, член-корреспондент РАН, заведующий сектором социальной эпистемологии Института философии РАН. E-mail: iliakassavine@yahoo.com.

Коняев Сергей Николаевич – кандидат физико-математических наук, старший научный сотрудник сектора философских проблем естествознания Института философии РАН. E-mail: snk-iph@mail.ru.

Корбут Андрей Михайлович – научный сотрудник Центра фундаментальной социологии НИУ ВШЭ. E-mail: korbut.andrei@gmail.com.

Кузнецова Наталия Ивановна – доктор философских наук, профессор кафедры современных проблем философии РГГУ. E-mail: car-car@inbox.ru.

Куслий Петр Сергеевич – кандидат философских наук, научный сотрудник сектора социальной эпистемологии Института философии РАН. E-mail: kusliy@yandex.ru.

Макаров Андрей Борисович – кандидат философских наук, доцент Самарского государственного университета.

Микешина Людмила Александровна – доктор философских наук, профессор кафедры философии Московского педагогического государственного университета. E-mail: lamikeshina@yandex.ru.

Никифоров Александр Леонидович – доктор философских наук, главный научный сотрудник сектора социальной эпистемологии Института философии РАН. E-mail: nikiforov-first@mail.ru.

Оглезнев Виталий Васильевич – кандидат философских наук, доцент, докторант кафедры истории философии и логики философского факультета Национального исследовательского томского государственного университета. E-mail: ogleznev82@mail.ru.

Панафидина Оксана Петровна – кандидат философских наук, доцент кафедры философии Криворожского педагогического института ГВУЗ «Криворожский национальный университет» (Украина). E-mail: oханаранафидина@rambler.ru.

Родин Андрей Вячеславович – кандидат философских наук, старший научный сотрудник сектора философских проблем естествознания Института философии РАН, доцент факультета свободных искусств и наук СПбГУ, внештатный научный сотрудник французского Национального центра научных исследований. E-mail: rodin@ens.fr.

Столярова Ольга Евгеньевна – кандидат философских наук, и.о. старшего научного сотрудника сектора социальной эпистемологии Института философии РАН, доцент кафедры теоретической социологии и эпистемологии РАНХиГС. E-mail: olgprin@hotmail.com.

Филатов Владимир Петрович – доктор философских наук, профессор, заведующий кафедрой современных проблем философии РГГУ. E-mail: toptiptop@list.ru.

Шалак Владимир Иванович – доктор философских наук, старший научный сотрудник Института философии РАН. E-mail: shalack@mail.ru.

Шрамко Ярослав Владиславович – доктор философских наук, профессор кафедры философии Криворожского национального университета (Украина). E-mail: yshramko@ukrpost.ua.